

4. Синельникова Л.Н. Имидж как канал коммуникации // Гражданское общество как основа демократии. Пиар-деятельность в гражданском обществе / Отв. ред. Л.Н.Синельникова, Л.Ф. Компанцева, Г.А. Петровская. – Луганск: Знание, 2003. – С.37–43.
5. Элс М. Как научиться жить без бренда (или семь шагов к личному и профессиональному освобождению) // Новый брендинг / Пер. с англ. С.Г. Божук. – СПб.: Издательский Дом “Нева”, 2003. – С.17–33.

Масаев М. В.

ФЕНОМЕН ОБРАЗНОГО ВОПЛОЩЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОГО КОНТИНУУМА ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Пространственно-временной континуум исторической рефлексии формируется двумя константными образами, отражающими его сущность, а именно образами пространства и времени.

Как известно, исторический процесс разворачивается во времени и пространстве. Однако при всём этом не совсем понятно, как образ может влиять на трансформацию пространственно-временного континуума. Именно с этим во многом связан феномен образного воплощения пространственно-временного континуума исторической рефлексии.

А. Д. Шоркин, ссылаясь на Х. Л. Борхеса, рассказал о мечте живописца изобразить символы эпохи в клетках таблицы, которую можно было бы назвать “Фундаментальным лексиконом...” Но одно дело – стремиться заполнить клетки “лексикона”, а другое – задать измерения пространства, достаточно ёмкого, чтобы вместить и развернуть таблицу, и достаточно скупого, чтобы она была цельной и легко обозримой. Набор тех или иных измерений пространства не дедуцирует феноменологического содержания таблицы, а только открывает определённые возможности её заполнения” [1, с. 5].

Именно такая таблица и явила бы нам пространственный континуум исторической рефлексии. Но такой таблицы человечество ещё не имеет. Оно получило только к моменту полного раздела мира замкнутый пространственный континуум своего существования.

Пространственный континуум человеческого существования уже не меняется. Время же течёт неостановочно. Именно оно теперь будет определять параметры парадигмы новой цивилизации.

При этом природа исторического времени проявляется в том, что оно протекает через интервал настоящего, уходит, превращаясь в новое качество – в прошлое, при этом в фокус внимания попадает прежде всего настоящее, а его образ даже не осознаётся человеком как нечто внешнее, внеположенное, это даже не образ сам по себе, а какое-то непосредственное ощущение. Без этого, как отмечают Ф. В. Лазарев и М. К. Трифонова, невозможна “полнота человеческого присутствия в мире – в происходящем, совершающемся” [2, с. 303].

А образы минувших эпох? Об их жизненной силе писал ещё К. Маркс в своей работе “Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта”. Мы чётко видим как образ Наполеона I помог прийти к власти Наполеону III, как целые народы оказывались отброшенными назад “в умершую эпоху” [3, с. 121].

Подобное мы наблюдаем и в наши дни.

Источники и литература

1. Шоркин А. Д. Схемы универсумов в истории культуры. – Симферополь, 1996. – 216 с.
2. Лазарев Ф. В., Трифонова М. К. Философия. – Симферополь: Сонат, 1999. – 352 с.
3. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Собр. Соч. – Т. 8. – М.: ГИПЛ, 1957.

Масаев М. В.

КРЕСТ КАК СИМВОЛ ПАРАДИГМАЛЬНОГО ОБРАЗА ЭПОХИ ХРИСТИАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Актуальность темы. Убедительнее всего, на наш взгляд, проследить становление невидимой структуры символа и обретение подлинного органического единства видимого знака символа и его невидимой структуры на примере знака креста как символа парадигмального образа эпохи христианской цивилизации.

Убедительнее, во-первых, потому, что христианской цивилизации уже 2000 лет, она во много раз старше эпохи Великой Октябрьской социалистической революции и, в отличие от последней, не собирается умирать; во-вторых, с христианской символикой знакомо всё человечество. Это 1. 990.018.000 христиан [1, с. 61], верующих во Христа “яко Царя и Бога”, это 1.189.359.000 мусульман [1, с. 61], верующих в Христа как пророка и считающих его мать Святой Приснодевой (Эбеди Бакире Хазрети Мариам), хотя и предпочитающих солярной символике христиан лунарную, также пользующуюся у христиан определенным почётом [2]. Если присмотреться к куполам христианских храмов, особенно православным, претендующим на правильное (орто) прославление (доксия) Бога, почему во всём мире православных именуют ортодоксами, то купола их храмов венчают (как и купола мусульманских мечетей) полумесяцы, и лишь над ними вздымаются привычные христианам кресты.

Таким образом, солярно-лунарная религиозная символика уже на протяжении 2000 лет известна подавляющему большинству человечества, и её анализ будет понятен всем.

Солярная, или солнечная (от лат. солярис - солнечный) широко представлена в современном христианстве. Причём утвердилась она не без борьбы и политических влияний. Интересно, что эта борьба не прекращается до сих пор.

Первый солярный символ христиан - это время празднования Рождества Христова, которое

приходится у большинства христиан (сюда относятся и католики, и православные, и протестанты) на 25 декабря (если у православных-старостильников этот день фактически переместился на 7 января по новому стилю, то по старому стилю он остался днём 25 декабря). 25 декабря начиналось увеличение долготы дня после дня после дня зимнего солнцестояния, и древние солнцепоклонники считали этот день днём рождения Бога Солнца Митры. В четвёртом веке нашей эры христиане, пытаясь привлечь к своей вере новых сторонников, сделали этот день днём Рождения Христова [3, с. 235]. Подавляющее большинство христиан с этим согласилось, но не все. Монофизиты-армяне до сих пор празднуют Рождество Христово не 25 декабря, а 6 января, одновременно с Крещением Господнем и Богоявлением. Не все христиане, будучи монотеистами, приняли перенос одного из главных своих праздников на день торжества язычников-солнцепоклонников. Тем более, что ещё Ветхий Завет, который признают все без исключения христиане, считает солнцепоклонничество мерзостью перед Богом. “И сказал мне: видишь ли, сын человеческий? Обратись и увидишь большие мерзости. И ввел меня во внутренний двор дома Господня, и вот, у дверей храма Господня, между притвором и жертвенником, около двадцати пяти мужей стоят спинами своими ко храму Господню, а лицами своими на восток и кланяются на восток солнцу. И сказал мне: видишь ли, сын человеческий? Мало ли дому Иудину, чтобы делать такие мерзости, какие они делают здесь? Но они ещё землю наполнили нечестием и сугубо прогневают Меня; ... За то и Я стану действовать с яростью; не пожалеет око Мое, и не помилую; и хотя бы они взывали в уши Мои громким голосом, не услышу их”. (Книга пророка Иезекииля 8:15, 16, 17, 18).

Несмотря на вышеприведенные цитаты из почитаемого всеми без исключения христианами Ветхого Завета подавляющее большинство христиан ввело в свою повседневную жизнь почитание посвященному солнцу первого дня недели.

Ветхий же Завет требует празднования субботы, седьмого дня недели. “И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмой от всех дел Своих, которые делал. И благословил Бог седьмой день, и освятил его, ибо в оный почил от всех дел Своих, которые Бог творил и созидал” (Бытие 2:2, 3).

Четвёртая заповедь признаваемого всеми без исключения христианами декалога гласит: “Помни день субботний, чтобы святить его; шесть дней работай и делай всякие дела твои, А день седьмой - суббота Господу, Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни скот твой, ни пришелец, который в жилищах твоих; Ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и всё, что в них, а в день седьмой почил; посему благословил Господь день субботний и освятил его” (Исход 20:8, 9, 10, 11).

Причём речь идёт именно о седьмом дне. В Вавилоне две недели посвящались Солнцу, Луне и пяти планетам, причём первый день посвящался Солнцу. Солнцу посвящался первый день недели и у римлян. Второй день посвящался Луне, третий - Марсу, четвёртый - Меркурию, пятый - Юпитеру, шестой - Венере, седьмой - Сатурну. Современный итальянский язык сохранил все эти названия за исключением субботы и воскресенья. Lunedì - день Луны, martedì - день Марса, mercoledì - день Меркурия, giovedì - день Юпитера, venerdì - день Венеры. В английском языке сохранилось название седьмого дня, дня Сатурна, Saturday, для субботы и первого дня, дня Солнца, Sunday, для воскресенья. Днём Солнца, Sonntag, называется воскресенье и у немцев. И везде это первый, а не последний день недели. В воскресенье начинается новая богослужебная неделя и меняется глас у православных. Интересную нумерацию дней недели сохранил португальский язык. Свои названия имеют два дня недели, суббота и воскресенье (sabato, domingo). Остальные же дни недели названий не имеют, а имеют лишь номера. При этом понедельник - это segunda feira (второй день), вторник - это tersa feira (третий день), среда - это quarta feira (четвёртый день), четверг - это quinta feira (пятый день), а пятница - это sexta feira (шестой день). Отсюда легко сделать вывод о том, что суббота - это седьмой, а воскресенье - первый день недели. Интересно, что православный протоиерей С. В. Булгаков, автор обширного двухтомника “Настольная книга для священно-церковно-служителей”, вышедшего в 1913 г. также считает первым днём недели воскресенье, а седьмым - субботу [4, с. 1595].

Установление римским императором Константином Великим обязательного празднования воскресенья, то есть первого дня недели - это дань солнцепоклонникам, это торжественное празднование дня Солнца. Сделано это было императором Константином в 321 году, ещё до того, как он созвал в 325 году в Никее первый христианский собор [5, с. 29]. Христиане не смогли противоречить императору, сделавшему фактически христианство государственной религией римской империи. Интересно, что знак, видение которого предвещало Константину победу над Максенцием, знак креста, - был в то время символом не христиан, а солнцепоклонников. Не случайно Константин после победы в борьбе за власть начал с реверансов в сторону солнцепоклонников: установление нерабочего дня в день Солнца. И лишь потом начал обустривать дела христиан, исходя из факта многочисленности их в империи и прежде всего среди солдат своей армии. При этом он предварительно сделал христиан, как и прочих подданных империи солнцепоклонниками своим эдиктом 321 года. Христианам же в борьбе за влияние, а порой и за элементарное выживание ничего не оставалось как принять на вооружение всю символику солнцепоклонников, в том числе и празднование дня солнца, первого дня недели.

Из современных христиан искушение древних христиан времён императора Константина Великого преодолели лишь адвентисты седьмого дня.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что ветхозаветная вера древних евреев - не единственный источник современного христианства.

Да, у иудеев и христиан “один и тот же” Ветхий Завет. Причём это знает подавляющее большинство человечества. К сожалению, лишь немногие знают, что первая часть христианской Библии, Ветхий Завет, далеко не такой же самый, как еврейская Библия. Многое из того, что говорит о грядущем пришествии Христа в христианском Ветхом Завете, **отсутствует** в Библии еврейской. Христиане утверждают, что

иудеи в своё время исключили эти положения из древнейших текстов. Иудеи же говорят о позднейших христианских приписках. Документально доказать правоту какой-либо из сторон при этом невозможно. Ибо древнейших текстов, к которым апеллируют обе стороны не сохранилось. Древние евреи не хранили древних библейских текстов, а “списывали” их по ветхости, исключали из употребления и хоронили как покойников. Ветхозаветное же учение о “богоизбранности” евреев вступило в такое вопиющее противоречие с двухтысячелетней практикой всех сторон жизни христиан, что, как отмечает крупный советский библиист И. А. Кривелев, требует героических усилий “казуистики и софистики, чтобы внести какой-то порядок в эту запутанную систему представлений” [6, с. 111]. Общее в Ветхом и Новом Завете усмотрели лишь мусульманские богословы и только в том, что вся Библия в её полноте есть не что иное, как подготовительная ступень к Корану. Да, как подчёркивает И. А. Кривелев, ислам “усматривает в Библии подготовительную ступень к Корану, а в библейских патриархах, прежде всего в Моисее (Муса) и Иисусе (Иса), - непосредственных предшественников Мохаммеда” [6, с. 11]. Многие из современных философов-идеалистов, стоящих на позициях религиозной апологетики, даже превозносят Библию как фундамент всех трёх наиболее влиятельных в мире религий, составляющих, по их мнению, духовную базу жизни всего человеческого общества, рассматривая их, в том числе и ислам, как “библейские религии”. Такого мнения придерживается Карл Ясперс в своей книге “Философия веры”, изданной в 1952 году в Мюнхене [6, с. 12]. Некоторые, уточняя К. Ясперса, называют эти религии не “библейскими”, а “авраамическими” от праотца Авраама. И это, может быть, и точнее. Ибо “библейскость” этих трёх религий уж очень различна. А уж “библейскость” иудаизма и христианства различается настолько разительно, что нормальный человек не может не предположить наличие у христианства какого-то иного истока, нежели ветхозаветный иудаизм. Иудаизм сугубо национален, даже более того, националистичен. Христианство же интернационально. Уже в Посланиях апостола Павла подчёркивается космополитический характер христианства - “нет ни эллина, ни иудея...” (Колоссянам 3:11), что дало автору “Происхождения христианства”, сыну протестантского епископа Арчибальду Робертсону назвать современное христианство продолжением “павловской” тенденции христианства в отличие от секты “жидовствующих” христиан, сторонников тенденции иудейской [7, р. 97-137]. Но не мог апостол Павел, сам грамотный иудей, бывший фарисей, ученик образованнейшего книжника Гамалиила, быть носителем неиудейской тенденции. Он мог, конечно, через своей космополитизм (получение римского гражданства и т. д.) отступить от некоторых второстепенных условий иудаизма, но не более. При этом он ничего нового в символике и обрядности не создал. Ни богатейшего христианского канона, ни поклонения кресту, ни обычая совершать крестное знамение. Ничего этого ученики Христа апостолы не знали.

Поклонение кресту – это третий солярный символ христианства. Поклонение кресту и обычай осенять себя крестным знаменем, т. е. креститься пришли в Европу с гуннами. Мы уже говорили, этот символ солнцепоклонников, уважал ещё Константин Великий. Но в его правление поклонение кресту ещё не стало всеобщим.

Крест в Европу принёс Атила. Это ярко описал на страницах своей книги “Полынь половецкого поля” Мурад Аджи. “... Предводитель кипчаков Атила на своих знаменах нёс крест, а историки древности (Иордан и другие) называли его христианином, хотя это не вполне точное здесь слово.

До знакомства с “варварами”, как европейцы любили именовать кипчаков, христиане не знали даже креста – нынешнего своего символа. Не знали они и крестного знаменья” [8, с. 198-199]. “Молитва, троекратное осенение крестным знаменем и лишь потом трапеза. Таковы были традиции в Дешт-и-Кипчаке в 450 году, когда их зафиксировал Приск. И не он первый – эту традицию отмечал у кипчаков раньше историк Фавст Бузанд (в 30-е годы IV века) [8, с. 121]. Поэтому мы можем с большой долей уверенности повторить, что крест в Европу принёс предводитель гуннов Атила. В подтверждение этого тезиса мы можем также добавить то, что иудействующие, или “жидовствующие” христиане дольше всего держались в Испании, за Пиренеями, куда конница гуннов не дошла. Она побывала во Франции, на Каталонских полях, где Атила не проиграл, а выиграл сражение против римлян, повернув затем в Италию и дойдя до самого Рима. Могут возразить тем, что папа Римский встречал Атиллу с крестом и тем самым убедил его пощадить Рим. Но это возражение лишь подтверждает, что Атила уважал крест, а папа встретил его с крестом, символом веры Атилы, чтобы ублажить его и принял символ веры грозного завоевателя как свой, приспособив его к условиям и традициям не знавших поклонения кресту христиан. Да и встреча папы с великим завоевателем проходила далеко не так, как это описано официальными историками и запечатлено на полотнах великого Рафаэля. “На подступах к Риму, - пишет Мурад Аджи, - на дороге царя Атиллу поджидала депутация императора во главе с папой римским Львом. На Амбурейском поле они умоляли Атиллу мирным способом решить судьбу Рима. Папа римский даже стал на колени. Атила был немногословен и на этот раз: желая унижить императора Валентиниана, он потребовал, чтобы привели его сестру Гонорию с причитающейся ей долей императорского имущества.

С тех пор Рим стал “вечным городом”, а Атила с тяжелой добычей повернул домой, оставив за плечами опозоренную столицу Европы” [8, с. 108]. А то, что для древних христиан поклонение кресту могло казаться диким, свидетельствует непочитание креста верующими во Христа иеговистами. Иеговисты удивляются, как можно поклоняться орудию пытки и казни, кресту крестообразному, который орудием казни даже никогда не был. Казнили римляне на Т - образном кресте.

Интересно, что искупительную силу креста отрицает такой известный православный богослов как митрополит Антоний Храповицкий, ставший первоиерархом Русской Православной Церкви Заграницей. По его мнению, искупление совершилось до распятия, ещё во время молитвы Христа в Гефсиманском саду. Крест, таким образом, “совсем теряет свою искупительную силу”, - так считает автор “Краткой истории древлеправославной (старобрядческой) церкви” Фёдор Евфимьевич Мельников [9, с. 84].

Крест не был символом первых христиан, а у христианства помимо иудаизма был иной гораздо более

мощный источник, который и оторвал окончательно христиан от иудаизма и помог стать ему мировой религией. Об этом источнике, религии древних тюрков, тенгрианстве, сущностью которой было солнцепоклонничество, хорошо написал вышеупомянутый Мурад Аджи [8]. А крест у солнцепоклонников - знак самого солнца. Причём тенгрианская солнцепоклонническая прививка христианству была второй солнцепоклоннической прививкой. Первой были эдикты Константина Великого о праздновании первого дня недели, дня солнца и влияние на обрядовую жизнь христиан поклонников солнечного бога Митры.

В 1996 году археологи близ древнего Пантикапея (ныне Керчи) обнаружили вырезанные на стенах древнего колодца прямые кресты, которые, как считает начальник экспедиции В. П. Толстик, датируются II веком нашей эры [10, с. 2]. Несколько ранее, в 1993 году, в одном из женских погребений скифо-сарматского могильника у села Песчаное Бахчисарайского района (возраст этого могильника датируется с первой половины III века нашей эры), была обнаружена вылепленная из глины без применения гончарного круга чашка, на дне которой до обжига было прочерчено изображение прямого креста, обрамлённое расширяющимися к его концам линиями. Не напоминает ли это расходящиеся лучи солнца? Такое изображение (граффито) на чашке, найденной в Крыму, по мнению радовавшегося по поводу находки христианской символики автора статьи в “Тавриде православной”, “скорее всего, выполнено самой умершей, поскольку у варваров производством грубой кухонной посуды занимались женщины” [10, с. 2]. Но, во-первых, участие женщин в создании предметов религиозной символики не в традиции иудеев и христиан, а, во-вторых, слишком уж нехристианский этот крест, это солнце с двенадцатью лучами, и лишь в самом центре рисунка можно различить прямой крест. Примечательно, что в Инкерманских пещерах, где, как доподлинно известно, молились в I веке христиане, во главе которых был сосланный в Инкерманские каменоломни сам папа Римский Климент, никаких изображений креста нет. Как свидетельствует один из известнейших на сегодня археологов Б. Д. Михайлов, “на монетах Херсонеса христианский символ появляется лишь во время царствования Тиберия-Маврикия (582-602 гг.) [11, с. 85]. Он же отмечает, что “в каменном веке - эпохе бронзы первоначально крест был символом идеи центра и основных его направлений или символизировал солнце” [11, с. 84]. На приводимой в этой же книге иллюстрации [11, с. 84], а также в книге “Петроглифы Каменной Могилы” [12, с. 236] крест, напоминающий православный, сделан лучезарным, а под ним помещён прямой крест. А прямые кресты можно отнести не только к христианской символике, а к солярной (солнечной) символике тенгриан, буддистов, индуистов и даже... древних египтян, у которых крест был символом бога Солнца Ра, о чём можно прочитать в работе Б. А. Успенского о солярно-лунарной символике в облике русского храма [2, с. 306-310]. Так что сама Московская Патриархия признаёт, что крест - это солярный символ, знак солнца, который существовал как таковой до рождения Христа. Культ солнца, или солярный культ, исповедывали в древности почти все народы, и символом солнца был равносторонний крест. Богу солнца Ра поклонялись древние египтяне, блистательному богу солнца Гелиосу поклонялись древние греки, персидскому богу солнца Митре поклонялись не только в древнем Иране, но... и в древнем Риме. До сих пор поклоняются богине солнца Аматерасу японцы, был бог солнца у древних жителей Мексики Ацтеков, а звали его Уицелопочтли; Инти - так звали бога солнца у древних жителей Перу инков; Дажбогом звали бога солнца славяне, и не случайно “Слово о полку Игореве” величает русских князей “внуками Дажбога”, а основатель Родной Украинской Национальной Веры (РУН-Веры) и автор “украинской Библии”, книги “Мага Вира”, Лев Силенко назвал Дажбога главным богом Украины [13, с. 54-55].

Был бог солнца и у древних тюрков Тенгри-хан, отсюда и название их религии тенгрианство. Именно тенгрианский канон и тенгрианский символ крест были восприняты древними христианами, что помогло им рекрутировать своих новых приверженцев из числа окружающих их многочисленных солнцепоклонников. И один из древнейших гимнов христиан “Свете тихий...”, которого нет в Библии, и “Солнце правды” из тропаря Рождеству Христову, и возглас “Слава Тебе, Показавшему нам Свет!” восходят, по всей вероятности, к тенгрианской традиции, ибо ни Ветхий, ни Новый Заветы христианской Библии этого не знают, как не знали древнейшие христиане и близкого к тенгрианскому современному христианского канона, как не знали они и поклонения кресту. Наперстные (нагрудные) кресты носили в Древнем Египте жрецы бога солнца Ра [2, с. 306-310], носили их и священники тенгрианские, носят их и современные православные священники в России, Украине и Белоруссии. Не носят таких крестов православные священники ... в Греции. Крест на груди имеют право носить в Греции очень немногие священники и только в качестве награды, что само по себе служит развенчанию мифа о том, что “христианство пришло в Восточную Европу и в частности на Русь из Греции”.

Последний миф настолько врезался в сознание людей, что многочисленные упоминания в православных молитвословиях о том, что православие пришло с Востока, никем не воспринимаются всерьёз, а советский специалист по научному атеизму А. А. Шамаро в своей работе о символике и истоках русского церковного зодчества [14] даже обиделся на русских богословов, которые ко всем своим вымыслам добавили “ещё один, так сказать, географического характера: с востока пришла на Русь христианская вера, хотя достаточно даже беглого взгляда на географическую карту, чтобы воочию убедиться в том, что и Иерусалим, исторический исток христианства, и Константинополь (с середины XV в. Стамбул), откуда тысячелетие назад Русь приняла своё “крещение”, - расположены к югу, а отнюдь не к востоку, и от Киева, и от всей Киевской Руси” [14, с. 32]. Но богословы Русской Православной Церкви всё-таки правы. Православие с его специфической обрядностью пришло на Русь с Востока. Традиционное повторение этой непреложной истины - церковный закон, который вековые попытки сторонников греческого происхождения христианства так и не смогли отменить. Традиционное повторение церковниками тезиса о восточном происхождении их религии - лучшее доказательство её негреческого истока.

Если допустить, что христианство пришло на Русь из Греции, то откуда у русских священников на груди кресты, которых нет у священников греческих? Если христианство пришло на Русь из Греции, то

откуда в русской православной церкви среди обязательных служб суточного круга есть службы часов 1-го, 3-го, 6-го и 9-го, которых нет в церкви греческой? Если христианство пришло на Русь из Греции, то почему до второй половины XVII века русские крестились не так, как греки, а все движения в храме и вокруг храма совершались по солнцу, а не против солнца, как в Греции. А разницей в богослужебных книгах и богослужебной практике был такой, что потребовалось для их приведения в соответствии с греческим каноном провести целую церковную реформу, весьма болезненную и даже кровавую. С отдельными пережитками язычества боролись далеко не христианскими методами. Выросшее на солнцепоклоннических традициях русское христианство долго сопротивлялось греческим нововведениям. Многие русские люди не приняли в XVII веке новой, истинно греческой веры. Значительная часть русских людей не принимает её до сих пор. Даже сторонники так называемой новой веры продолжают кадить в храме по солнцу, а службы часов не отменили. Хотя прочие движения, кроме поворотов священников, уже совершаются против солнца. В своё время попытку греческого епископа освятить Успенский собор Кремля, двинувшись против солнца, великий князь Иван III пресёк, назвав движение против солнца движением против Бога. Но начатая им политика пропаганды величия Москвы как Третьего Рима заставила его преемников пойти через два столетия на серьёзнейшую церковную реформу, чтобы доказать греческое происхождение своей религии. Хотя реформа сама по себе уже доказала обратное, выявив огромное расхождение между христианством в России и в Греции.

А как же быть с крещением Руси при Святом равноапостольном великом князе Владимире? Почему христианство на Руси не стало греческим сразу? Да, факт крещения киевлян в Днепре при участии греческих священников имел место быть. Христианство с Владимира действительно бесповоротно стало государственной религией. Но христианство было на Руси и до этого акта. В Киеве действовала Ильинская церковь. За пять лет до официального крещения Руси, в 983 году, князь Владимир, тогда язычник, распорядился казнить двух христиан - Иоанна и его сына Феодора, канонизированными впоследствии церковью и объявленными святыми мучениками. Христианкой была родная бабушка князя Владимира великая княгиня Ольга. Христианами были правители Киева Аскольд и Дир, предательски убитые норманнским конунгом Олегом. Для укрепления своей власти на Руси языческие представители норманнской династии взялись за преследование уже бывших многочисленными на Руси христиан. И лишь великий князь Владимир вслед за своей бабушкой понял бесперспективность язычества и преследования христиан, снова крестил Русь, окончательно сделав христианство государственной религией, хотя, как мы уже видим, христианство сложилось на Руси гораздо более солнцепоклонническим, чем в Западной Европе и Греции.

Таким образом, христианство было на Руси и до Владимира, и пришло оно на Русь не с Юга, не из Греции, а с Востока, память о чём свято и нерушимо хранит церковное предание. Восточное солнцепоклонническое, а не южное иудейское происхождение христианства на Руси подтверждает и неодинаковость греческого и русского православия, которую не смогла до конца устранить болезненная и кровавая реформа 1666 года. Интересно, что староверы до настоящего времени носят нательные кресты без распятия, как и их предшественники солнцепоклонники, не знавшие Христа. Уже упоминавшийся нами автор вышедшей в 1999 году в Барнауле «Краткой истории древлеправославной (старообрядческой) церкви» Ф. Е. Мельников отмечает особое место в старообрядческой церкви и в староверческой обрядности четвероконечного креста, на котором «никогда не изображается распятия» [9, с. 75].

Родина Христа и христианства - Палестина. И это бесспорно. Но Палестина страной христианской не является. В Израиле государственная религия - иудаизм, в Палестинской Автономии господствует ислам. Христианство развивалось и стало мировой религией за пределами Палестины. Даже колыбель, в которой лежал младенец христианства, была за пределами Палестины. Где же была эта колыбель?

Колыбелью европейского христианства принято считать Рим. Даже если бы это было не так, то обойти столицу мировой империи в дележе славы по поводу роли в колыбельном периоде развития религии, ставшей мировой, было просто нельзя. Для подкрепления положения об исключительной роли «вечного города» в становлении христианства как мировой религии и был создан миф о том, что первым главой Церкви в Риме был апостол Петр, якобы возглавивший после вознесения Христа на него коллегия из двенадцати апостолов, ставшую наивысшей инстанцией Церкви. Этот миф широко рекламируется римскими папами, считающими себя первыми в христианском мире. Тем не менее и православные, и протестанты находят серьёзные доводы, чтобы поставить под сомнение эту вымышленную данность, и не считаться с их доводами было бы неразумным, так как никаких документов, подтверждающих главенство апостола Петра над другими апостолами, нет. Сам Христос тоже об этом ничего не говорил. Напротив, он предупреждал апостолов о том, «кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою» (Евангелие от Матфея 20:26), «и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом» (Евангелие от Матфея 20:27). Слова «паси овец моих», обращённые Христом к Петру, когда он после троекратного отречения от Христа трижды заявил о своей любви к Христу после его Воскресения, означают прощение Христом своего ученика, отказавшегося от учителя в момент опасности. Только это и не больше. (Евангелие от Иоанна 21:17). Проблематично вообще пребывание апостола Петра в Риме. Ни в послании, адресованном около 58 года нашей эры римлянам, ни в других посланиях, написанных в самом Риме, апостол Павел, иудей диаспоры, родившийся в Тарсе и имевший римское гражданство, ни словом даже не намекнул на пребывание там Петра. Будь ему известен этот факт, он не смог бы не упомянуть о нём. Называя многих по имени в своих посланиях, второй первоверховный апостол ничего не говорит о первом первоверховном. Значит его просто в Риме не было.

Кто был первым епископом Рима, до сих пор доподлинно неизвестно. Также неизвестно, когда возникла в вечном городе Церковь и как появились там первые христианские общины и какова была численность их членов.

Всему этому, как отмечает Мурад Аджи, “нет не то что никаких доказательств, а даже косвенных подтверждений. Есть, конечно, традиция думать так, а не иначе, не задумываясь однако над реальностью самих неясных фактов, которых, возможно, никогда и не было. Но с этой традицией сроднились, в неё поверили” [8, с. 196].

Более или менее достоверные сведения о первых папах появились лишь ... в IV веке. Первыми папами были названы Лин, Анаклен и Климент. Тот самый Климент, который, по преданию, во время ссылки в инкерманские каменоломни основал несколько пещерных храмов. Об этих храмах мы уже говорили, отмечая, что никакой современной христианской символики, в частности крестов, они не сохранили. Очевидно, что христианам в I веке этот символ был просто-напросто незнаком. В выпущенном в 1991 году Словаре атеиста “Католицизм” у цифры интронизации этого папы стоит знак вопроса [3, с. 155]. Сплошные знаки вопроса стоят у дат, приводимых в статье, посвященной второму римскому папе Анаклету, причём в одних источниках он фигурирует как Анаклет, а в третьих и Анаклет, и Клет отмечаются как два разных папы [3, с. 31]. В статье о первом папе знаков вопроса нет. Отмечается только, что “никаких достоверных сведений о нём нет” [3, с. 178].

Информация эта абсолютно бесспорна, поэтому и знаки вопроса здесь ни к чему.

Интересно, что апостол Петр в этом списке пап даже не фигурирует. Прав Мурад Аджи, когда пишет, что “имена первых пап, равно как и другие сведения о них, в Риме всегда произносили без особой уверенности в голосе” [8, с. 196].

Письменные сведения о первых папах появились лишь в IV веке, как будто до этого времени в Риме не умели писать. Не связано ли это с тем, что в 380 году император Феодосий признал главу христианской общины Дамасия I? Тогда и понадобилось что-то записать о христианской истории Рима. До этой даты, по-видимому, что-либо записать не было необходимости, если вообще (и скорее всего) записывать было нечего.

На территории Византии христианство получило официальное признание также только в IV веке. Причём речь шла только об официальном признании. Константин Великий только признал христиан, сделав их эдиктом 321 года солнцепоклонниками. На всей же остальной территории Европы в это время процветало язычество, которое вдруг едва ли не всюду, как по мановению волшебной палочки, сменилось на христианскую религию. Что, какие события заставили Европу только в IV веке услышать божественное слово Христа, прозвучавшее в Палестине ещё в I веке? “Трудно даже вместить в сознание, - пишет Мурад Аджи, - но ведь блистательная Европа в IV веке добровольно отвернулась от своих прежних богов, от всего своего славного прошлого. Она что, послушно, как рабыня, приняла мировоззрение, пришедшее из захолустной римской провинции? Из какой-то Палестины? Очевидно, что нет. [8, с. 197-198].

Внедрение новой религии, да к тому же во многих странах одновременно должно было сопровождаться мерами весьма и весьма крутыми. Вспомним, как внедрял на Руси христианство Владимир Святой. Но то были меры в масштабах одного государства. Торжество новой религии в Европе было обусловлено событиями вселенского масштаба. Но какими?

Этими событиями были великие завоевательные походы и войны конца IV - начала V века, вошедшие в историю как Великое переселение народов, авангардом которого были тюрки-кипчаки, северная ветвь тюркских народов, в отличие от южной, огузов, предков современных турок. Именно их походы, походы тюрков-кипчаков, известных на Руси под именем половцев, а в Западной Европе под именем гуннов, и поставили Европу на колени, а в этой не совсем удобной для принятия самостоятельных решений позе у Европы не было выбора. Позже европейцы схитрят. Они заставят поверить мир в то, что они сами добровольно приняли новую религию и в то, что никакие кипчаки к этому не имеют отношения, как и не имеют отношения какие-то солнцепоклонники к эдикту Константина Великого 321 года и переносу дня Рождества Христова с 6 января на 25 декабря. Никакие кипчаки и прочие солнцепоклонники здесь как будто ни при чём. Говорят же уважающие себя китайцы, что после завоевания Китая арийскими народами в их стране правила династия Чжоу (никакого завоевания не было, просто поменялась династия), после завоевания монголами - династия Мин, маньчжурами - династия Цин, умалчивая о том, что страной правили во все эти времена (а это целые века) завоеватели. При этом историки всего мира называют маньчжурский Китай не Маньчжурией и даже и не маньчжурским Китаем, а Китаем цинским, а великий сказочник Европы Ганс-Христиан Андерсен называл императора китайцев китайцем, хотя никаким китайцем он в годы жизни великого датского писателя не был. Он был маньчжуром, а в “запретном городе” столицы китайцам появляться было нельзя, в этой части Пекина жили только завоеватели и звучала маньчжурская речь. Современные поляки, рассказывая об исторических военных костюмах Войска Польского, с гордостью демонстрируют роскошную форму одежды войск Кшенства Варшавского (Герцогства Варшавского) и Крулевства Польского (Царства Польского), ничего не говоря о том, что войска эти существовали в XIX веке в составе войск завоевателей, соответственно французов и русских. Великим герцогом Варшавским был лично император Франции Наполеон, а царём польским, или, как его упорно называют поляки, “крулем польским” был русский император).

Народам неприятно вспоминать позорные страницы своей истории. Поэтому вполне естественно, что европейцам неприятно упоминать, что предводитель кипчаков Аттила на своих знамёнах нёс крест, а историки древности (Иордан и другие) называли его христианином, хотя это и не вполне точное здесь слово. Крестonosный Аттила не был христианином, как не были христианами в современном смысле и ... сами европейские христиане, не знавшие ни креста, как символа своей веры, ни крестного знамения, которое уже знали и использовали поклонявшиеся Богу-Солнцу тенгриане-кипчаки.

“И хотя ныне различают много крестов - латинский, греческий, патриарший, андреевский и другие, - однако никто сразу не скажет: какой же из них связан с именем Христа? Никакой! - пишет Мурад Аджи. - Если быть точным, Христос нёс на Голгофу не крест, а Т-образное подобие креста - именно на таких римляне казнили своих преступников. И можно десять раз перечитать Евангелие, однако там нет ни слова

о том, чтобы кто-нибудь из христиан осенил себя крестным знаменем. Даже Христос” [8, с. 199]. Именно так и считают многие современные христианские сектанты. Они считают, во-первых, что Христос был распят именно на Т-образном кресте, а точнее на Т-образном подобии креста, а, во-вторых, считают диким и нелепым поклоняться орудию казни. Как и жидовствующие христиане, или субботники первых веков христианства, они решительно отвергают новации, усвоенные официальным христианством после смерти и воскресения Христа, а вместе с ними и всю солнцепоклонническую символику.

Как же христианство приняло солярную символику и стало солнцепоклонническим?

Пришедших в Европу воинов царя Аттилы выгодно отличали от европейцев не только более совершенное оружие или неведомая европейцам тактика боя и использования больших масс конницы. Главное их преимущество заключалось в духовном единстве, которое и давало им моральное превосходство. Воины Аттилы в своей массе были верующими. Их верой было тенгрианство, поразительно напоминавшее в своей обрядовой стороне современное христианство, как крестом в качестве главного символа, так и крестным знаменем верующих. Это и дало Иордану и другим историкам эпохи бури и натиска кипчаков называть их христианами, хотя христианами они ещё не были. Они были солнцепоклонниками-тенгрианами, крест для них, как уже было доказано выше, был символом вечного Солнца, верующие осеняли себя крестным знаменем, а все движения священнослужителей во время богослужения совершались по ходу движения солнца, а главные части храмов, алтари, всегда были повернуты навстречу восходящему солнцу. Ничего подобного не знали первые христиане Палестины и римских катакомб.

Язычники часто включали в свой пантеон богов соседних народов, особенно народов сильных (сильный народ - значит у него сильные боги). Но бог сильного народа гуннов Тенгри-хан был не очень понятен язычникам, исповедовавшим многобожие. Гунны были уже монотеистами, их бог был единым. Понять единого Бога могли лишь монотеисты, а монотеистами были в Римской империи лишь жившие на её задворках иудеи (как-то римляне пытались включить в свой пантеон и неведомого и непостижимого бога монотеистов-иудеев, ставя ему иногда пустой пьедестал с надписью “неведомому богу”). С приходом же в Европу гуннов-тенгриан язычники, особенно солнцепоклонники, легко восприняли Бога Солнца Тенгри-хана как Бога-отца уже известных им христиан, христиане же как представители секты монотеистов-иудеев легко восприняли Тенгри-хана как единого Бога-отца и отождествили его с единым богом монотеистов-иудеев, ветхозаветным Господом-Богом Саваофом (Богом Сил) Яхве. Тенгриане же увидели в Иисусе Христе сына Тенгри-хана, а в гонимых в империи христианах своих союзников в борьбе с империей. Как ни парадоксально, Рим также увидел в тенгрианстве, а точнее в тенгризированном солнцепоклонническом христианстве, своего союзника в борьбе с грозным противником. Не случайно Аттила, разгромив римлян в 451 году на Каталаунских полях (Северная Франция) и разграбив Северную Италию, не тронул Рима по просьбе вышедшего к нему епископа с крестом, символом Тенгри-хана, в которого истово верил царь Аттила.

Что ещё отличало тенгрианство от других религий и отличало весьма выгодно, то это дивный канон богослужений, который так понравился и христианам и язычникам и был практически целиком заимствован и христианами, и переходящими в христианство язычниками в качестве канона христианского. Доказательством этому служит то, что до прихода в Европу Аттилы такого канона у христиан не было, а археологические находки в Сибири, наскальные картины, где запечатлено тенгрианское духовенство, некоторые церковные обряды, церковная утварь свидетельствует о том, что таковой канон существовал у тенгриан. Интересно, что письменные тексты служащих и католиками, и православными литургий Василия Великого, Иоанна Златоустого и Григория Двоеслова появились соответственно в 379, 407 и 604 годах, то есть во времена активного потивостояния Европы и Степи. Предположить, что среди христиан до IV века не было ни одного грамотного человека, просто абсурдно.

Позже, когда Европе удалось устоять под натиском Степи и перейти в контрнаступление, христианство в его уже европейском виде было с такой же сравнительной лёгкостью воспринято и Степью, тем более, что это было уже не христианством в собственном смысле слова, а модернизированным тенгрианством. Несмотря на кажущуюся сравнительную лёгкость этого процесса проходил он в ходе борьбы тенгрианских и нетенгрианских тенденций.

Как же это происходило? Когда же и где сложилась своя, истинно христианская традиция, с которой началась знакомая всем христианская религия в её современном виде?

Наложение тенгрианского канона на древнехристианское вероучение произошло, как считает Мурад Аджи, на Кавказе - точнее, в Армении - к началу IV века. Связано это с именем просветителя Армении святого Григория, который в 30-х годах IV века предстал перед царём кипчаков и испросил разрешение проповедывать идеи христианства перед знатью, на что и получил великодушное разрешение. Так начался духовный контакт между “старой” западной культурой и “новой” для Запада, но ещё более древней восточной, лишь появившейся тогда на ближних подступах к Европе. Проповедь епископа Григория среди степняков закончилась неудачно. Верные идеям Бога Солнца Тенгри, степняки не восприняли Евангелия о Христе, они поймали дикого коня, привязали проповедника к хвосту его и пустили по полю. Этот факт описан Фавстом Бузандом и отлично прокомментирован Мурадом Аджи. На этом контакты солнцепоклонников-тенгриан и христиан, уже успевших принять такой солярный солнцепоклоннический символ, как празднование первого дня недели, дня солнца, не остановились. Они были продолжены. “Армяне, - пишет Мурад Аджи, первыми поняли, что религиозное - духовное единство на пользу им, ибо делает союзниками могущественного соседа. И они всеми силами стремились к этому единству: в свои новые мехи армяне наливали молодое вино, приготовленное, однако, по старинному кипчакскому рецепту” [8, с. 207]. 14 лет провёл у гуннов мудрый армянский проповедник епископ Кардост и возглавляемое им посольство из семи священников. Епископа Кардоста сменил епископ Макарий. Было

выпущено “писание на гуннском языке” как некий протокол совместных духовных исканий двух народов. Тенгрианская религия к моменту встречи её с христианством имела многовековой канон. Как считает французский исследователь религий Жан-Поль Ру, появление бога-солнца Тенгри датируется самое позднее V - III веками до нашей эры. Такого же мнения придерживаются и китайские историки. Это подтверждают и найденные академиком А.П. Окладниковым наскальные картины с религиозными сюжетами и изображением культовых предметов. У тюрков в отличие от многих других народов Бог был единым, этим и отличалась их вера от веры соседей. Тенгриане поклонялись кресту как солярному символу Тенгри-хана и осеняли себя крестным знаменем, чему и научили впоследствии христиан.

Как произошло это научение, как в случае прямого контакта с армянами или опосредованно, через армян, присутствовавших на вселенских и локальных соборах христиан, сказать трудно. Скорее всего двумя этими способами. Вот только достоверные свидетельства тенгриано-христианских контактов мы имеем пока только в случае армян и лезгин (кавказских албанцев). Факты солнцепоклоннического влияния на христиан мы имеем и помимо контактов с тенгрианами. Это и контакты с поклонниками другого бога солнца Митры. Чего стоит только перенос Рождества Христова с 6 января на 25 декабря, который, кстати, не коснулся армян, и эдикт 321 года Константина Великого об обязательном праздновании первого дня недели, дня Солнца.

Но именно кавказские христиане первыми приняли тенгрианский канон и стали единоверными с тюрками-кипчаками, а тюрки в ответ признали сына Тенгри-хана - Иисуса Христа, создав у себя в начале IV века в угоду новым союзникам именно христианскую Церковь. Свидетельством тому является присутствие представителя христианской Церкви кипчаков на II Вселенском Соборе 381 года в Константинополе, что было запротоколировано в актах Собора.

Доказательством религиозного и военно-политического союза кипчаков и христиан восточного (тенгрианского) обряда можно считать и само появление Византии, её отделение от Рима и возвышение. “Без могучего союзника, - пишет Мурад Аджи, - Византия так и прозябала бы колонией Рима, своего войска у греков не было. Ведь Атиллы не тронул Византию, первой в Европе принявшую христианство (с кипчакским канонем!) и ставшую, таким образом, союзницей кипчаков ещё во времена предшественников царя Атиллы - царей Доната и Харатона. А то, что византийцы платили кипчакам дань, так это же было нормой в общении сильного и слабого. Слабый платил за свою безопасность, за защиту и покровительство” [8, с. 214].

Но после ухода Атиллы из Европы и ослабления его державы началась борьба европейцев против тенгрианского канона в христианстве. Европейцы торопились стереть из исторической памяти народов некогда могучих степных всадников, принёсших в Европу крест. Но делалось это во имя искоренения из памяти влияния пришельцев с Востока, а не борьбы с солнцепоклонничеством как таковым. Потому ликвидировать окончательно элементы солнцепоклонничества христианам так и не удалось.

Прошли века. Отменив литургию, полностью отказались от тенгрианского канона протестанты, а такие их деноминации как иеговисты и пятидесятники отказались и от поклонения кресту. Не изображают крест на вершинах своих храмов мормоны. На запад, а не на восток обращают свои алтари католики и протестанты. Епископ Русской Истинно-Православной Церкви Агафангел (Михаил Пашковский) с болью в душе рассказывал на собрании священства своей епархии 8 октября 1999 года в Феодосии, какое неизгладимое впечатление производит в старинных храмах восходящее солнце, пронизывающее алтарь и освещающее своим чудным светом весь храм и верующих. Алтари на запад, а не на восток - одно из коренных отступлений от тенгрианских традиций. Дольше всего тенгрианские традиции держатся на Востоке, в России. Но и здесь они были серьёзно подорваны. В 1666 году русская православная церковь в угоду уже во многом отступившим от тенгрианского канона грекам, а кое в чём и не принявшим его изначально, провела церковную реформу, отменив большую часть движений во время богослужения по солнцу, как это было у тенгриан, и сделав их против солнца. Интересно, что ранние попытки подобных изменений расценивались как богопротивные, ибо идти против солнца, как считали русские православные христиане, означало идти против Бога.

Западная церковь внесла к этому времени более шестидесяти изменений в тенгрианский канон. Некоторые нововведения начинали внедряться на периферии и лишь позже закреплялись авторитетом папы. Так было с пресловутым филиокве, рассорившим окончательно православных и католиков. Этот догмат, провозгласивший исхождение Святого Духа не только от Отца, но и от Сына, фактически нарушал монотеизм христианской религии и был внесён в символ веры в VII веке в Испании. Несмотря на явное противоречие монотеистическому характеру христианства в 1009 году с ним согласились в Риме.

Отходили от тенгрианского канона и в Византии. Это проявилось прежде всего в иконоборчестве в VIII - первой половине IX века. Истребить укоренившееся в народе поклонение иконам не удалось, но приход к власти Исаврийской династии знаменовал отход Византии от союза с кипчаками. Как пишет Мурад Аджи, “тень Константинополя тучей с тех пор легла на огромный Дешт-и-Кипчак. Она быстро истощила родники, питавшие всю Восточную церковь духом и силой, оттого та начала дряхлеть. Присутствие евреев в Дешт-и-Кипчаке лишь усиливало политические последствия случившегося - изоляция кипчаков продолжалась” [8, с. 247].

Наиболее упорно сопротивлялся тенгрианский канон на Руси. Как отмечает Мурад Аджи, “на Руси первоначально вообще не было епархии. После крещения от греков Русь разучивала молитвы на тюркском языке и очень долго читала их. И писала! Разве не показательно, что старинные церковные книги написаны глаголицей и по-тюркски? Разве не показательно, что даже в сохранившихся первых русских изданиях Афанасия Никитина, тверского купца, побывавшего с 1466 по 1472 годы за тремя морями, текст молитвы приводится на тюркском языке?” [8, с. 250].

Традиционно большая часть клириков на Москве была по своему происхождению кипчакской. Первосвященник находился при царской ставке, в Орде. После падения Золотой Орды и Казани Иван IV

Грозный сам сделал себя царём, но автокефального первосвященника при нём не было. Лишь в 1589 году при его преемнике царе Феодоре Иоанновиче в присутствии Константинопольского патриарха Иеремии была учреждена Московская патриархия. Первым патриархом стал Иов, который, как и следующий патриарх Ермоген, происходил из степняков-тюрков. Обращаясь к царю Феодору, константинопольский патриарх произнёс тогда слова, глубоко запавшие тогда в душу русскому царю, которые с тех пор стали передаваться в Кремле по наследству. “Ветхий Рим пал от ересей, вторым Римом - Константинополем - завладели агарянские внуки, турки; твоё же великое Российское царство - третий Рим - всё превзошло своим благочестием” [15, с. 276]. Слова эти завершил призванный закрепить эту идею комплимент: “Ты один во всей вселенной именуешься христианским царём” [15, с. 276].

Новоиспеченному “третьему Риму” надо было теперь доказывать своё правопреемство от “Рима второго”. И препятствием здесь стал слишком тенгрианский канон русской церкви - греческая церковь от многих элементов тенгрианства уже освободилась, а значительной части их, в отличие от церкви русской, не знала вообще. Привести канон русской церкви в соответствие с греческим взялся патриарх Никон. Попытки привить церковной Москве греческие порядки были и раньше, но они пресекались. Когда в 1479 году при освящении московского Успенского собора греческий митрополит Геронтий стал ходить не по солнечному восходу, не “посолонь”, а против, то Великий Князь Иван Васильевич немедленно остановил его, заявив, что за это гнев Божий приходит. Но положение “третьего Рима” обязывало, и в 1655 году, по свидетельству В.О. Ключевского, патриарх Никон объявил, что хотя он русский и сын русского, но его вера и убеждения - греческие. В том же году после торжественной службы в Успенском соборе он на глазах всего молившегося народа снял с себя русский клобук и надел греческий, что, впрочем, вызвало не улыбку, а сильный ропот, как вызов всем верующим [15, с. 285]. Через 11 лет, в 1666 году, Собор в Москве поддержал церковную реформу Никона.

Собор одобрил шесть отступлений от прежнего канона. Шесть, это, конечно, не шестьдесят, как у католиков, но и эти отступления были настолько существенными, что создали по сути новый канон, а вместе с ним и новую церковь.

Каковы были эти нововведения? Тенгрианское двоеперстное крестное знамение менялось на греческое троеперстное. Запрещалось писать имя спасителя “Иисус”, велено было писать и выговаривать “Иисус” - тоже на греческий манер. Отменила реформа такой существенный элемент солнцепоклонничества как движение во время богослужения по Солнцу. Старые книги, в соответствии с тенгрианской традицией, устанавливали во время крещения, венчания, рукоположения в священнический сан и освящения храма совершать обхождение по солнцу, “посолонь”, в знак того, что мы идём за Солнцем, которое олицетворяло у тенгриан образ Бога-Отца - Тенгри-хана. Интересно, что автор вышедшего в 1910 и переизданного в 1990 году Закона Божия для старообрядческих школ староверческий священник Григорий Максимович Карабинович объясняет движение во время богослужения по Солнцу тем, что “Христос-Спаситель называется истинным солнцем, солнцем правды, востоком востоков” [16, с. 213]. Никон же повелел делать обхождение против Солнца, как это делают в Европе. Солнцепоклоннические элементы, которые оставались и в Греции, и в Западной Европе, Никон не тронул.

В результате многое из канона солнцепоклонников-кипчаков осталось в русской православной церкви незбылым. Иконы, иконостасы, храмы с их неповторимой архитектурой, лампы, ладан, парчовые одежды священников, молитвы с земными поклонами и многие другие чисто внешние атрибуты тенгрианства как пришли в христианскую Церковь, так и остались в ней. И если тонзура как знак солнца исчезла у русских священников, о ней остались только воспоминания в отдельных старинных поговорках, то на головах католических священнослужителей она сверкает и по сей день. По сей день живы и многие другие атрибуты тенгрианства, увековеченные в традициях современных христиан. Как пишет Мурад Аджи, “они - самое надёжное доказательство принятия новым христианством тюркского - тенгрианского - канона” [8, с. 216]. Конечно, обрядовая сторона у христиан менялась, но следы былого остались как генетический код, бесспорно свидетельствующий о родстве современного христианства с тенгрианством, как рисунок на коже пальцев человека.

Практически весь православный христианский лексикон современной русской церкви тюркского корня.

Начнём со слова “Бог”, которое у древних тюрков означало “вечность”, “вселенная”, “мир”, “покой”. Второе слово - “икона” - тоже тюркское, оно означает “открой душу” (дословно “говори истинно”). Иноязычное происхождение греческого слова “икона” подтверждается малым количеством в современном греческом языке однокоренных ему слов и достаточным количеством исконно греческих синонимов. Своё духовенство кипчаки называли клир, что дословно переводится с тюркского “собирающие молитвой, ритуальным пением”. Отсюда же слово “клирос” - место для чтецов и певчих во время богослужения. Без каких-либо изменений вошли эти слова в русский язык, а некоторыми изменениями дошли до Атлантики и ушли за океан. Сравни французское “clerge” (клерже - клирики, духовенство) и клерикалов всех мастей, рассеянных по всему миру. Кипчакское наименование креста “хач” заимствовали армяне. И “аминь” это вовсе не “да будет так” без ссылки на какой-либо язык, не “верую”, как это утверждают имеющие близкое по звучанию слово семитские народы, а тюркское “нахожусь в безопасности”, “защищён”, “подзащитен”. В этом и смысл молитвы - просить у Бога защиты. А истолкование слова “аминь” как “да будет так” не может не вызывать недоумения - разве может быть в молитве что-то не так. Да и может ли верующий не верить в то, что прошение, содержащееся в молитве, не сбудется. Тюркским словом является и “псалтырь”, книга песнопений. Оно состоит из двух слов, причём первое имеет чётко буддийскую принадлежность: “псак” - “корона”, “венец”, второе тюркское - “алтарь”, что представляет собой сочетание тюркских слов “алт” - “низ” и “ёр” - “восходить”, иначе говоря, “приподнятый”. Алтарная часть всегда была приподнята и ориентирована на восток. Попытки доказательства латинского происхождения

слова алтарь - не более как народная этимология. Почему тогда *altaria*, а не *alta area*. Да и псалтырь названа не по имени инструмента, под аккомпанемент которого её пели, а наоборот, инструмент называли по имени псалтыри.

У кипчаков заимствовали христиане и архитектуру и название своих храмов. Архитектура богослужебных зданий - одна из самых консервативных источников памяти народа. Даже внешне тенгрианские храмы в Степи не отличались от тех христианских, которые стали строить потом в России. Не случайно после раскола древлеправославной церкви патриарх Никон запретил строительство шатровых храмов. Церковь, храм у степняков назывался "килиса" (отсюда греческая еклезиастика, испанская иглесия, французская эглиз, португальская грежа, итальянская кьеса, немецкая кирхе, а с закономерным яфетическим (индоевропейским) чередованием "к" с "ч" и "ц" английская чёрч и русская церковь. Название "килиса" идёт от священной горы Кайласа, самой высокой на юге Тибетского нагорья. У многих народов Востока эта гора считается обителью богов. Расположена она к северу от острова Манас. По буддийским преданиям, на Кайласе находится рай Шивы и место пребывания Куберы, бога богатств. По древнейшим преданиям, гора когда-то была из чистого серебра. Интересно, что современным путешественникам эта гора высотой 6714 м представляется искусственным сооружением [18, с. 10]. В любом случае гора эта и в древнейшие времена, и сейчас вызывала удивление у всех её видевших. Её считали обителью богов, и оснований на это у неё было гораздо больше, чем у известного европейцам Олимпа, высота которого лишь 2917 м. Горе Кайласа поклонялись. Поклоняясь священной горе, люди стали создавать рукотворные филиалы святой горы - килисы. Отсюда и запрещённый патриархом Никоном шатровый стиль древнерусской церковной архитектуры. Посещающие святую гору паломники любовались её видом на берегу священного озера Манас. "Манастыр" по - тюркски - быть у Манаса. Отсюда и монастыри. Только русские пишут слово монастырь через "о", возводя это слово к греческому слову "монос" - один. Но где мы видели монастыри с одним-единственным монахом? По-турецки монастырь - *manastir* (манастыр), через "а", "манастир" - называют и пишут это слово южные славяне. Их грекам не удалось ввести в заблуждение, а вот русских - удалось.

Тенгрианские храмы возводились на фундаментах, которые в плане имели форму равностороннего креста (одна из форм современных христианских храмов). Крест - символ солнца, бога кипчаков Тенгри-хана. Кроме значения прочности и неуничтожимости крест символизировал и перекрёсток, где сходятся пути мира. Венчала храм островерхая крыша, поверх которой крепилась маковка с крестом. По мере освоения степных пространств низкие рубленые храмы уступили место более высоким, более устремлённым в небо. Появились колокольни (от тюркского колокол - "созываю рукой"), мелодичный звон которых созывал людей на молитву. Храм у тенгриан был всегда недоступен для смертных - там место отдыха Тенгри-хана, на площадке вокруг которого и могли молиться верующие. Площадка эта называлась "харам" (от тюркского "запрет"), ибо кроме молитвы делать что-либо здесь иное запрещалось. Позже этим словом стали называть здания для моления, куда молящиеся уже могли заходить. Запретным оставался только алтарь.

Тенгрианство просматривается и в христианских обычаях. Куличи, крашеные яйца, новогодняя ёлка, Дед Мороз - это тоже атрибуты тенгрианства.

Новогоднюю или рождественскую ель связывают с именем Христа. Но в Палестине ели не растут. У кипчаков же ель издревле была священным деревом. Традиция поклонения ели очень древняя. Она связана с Богом Йер-су, которому кипчаки поклонялись до принятия ими тенгрианства. Йер-су пребывал в центре земли, где, согласно легенде, расположен её пуп и растёт гигантская ель. Около ели сидел старец в халате и с густой белой бородой, его звали Ульгень. Раз в год, зимой, он с добром выходил к людям, дети помогали ему раздавать подарки из торбы. Ульгень приносил ёлку, около которой веселились всю ночь. "Ульгень" в переводе с древнего тюркского означает "умерший". Летом он спал в своём подземном мире, а осенью, когда природа замирала и начиналась зима, он просыпался и выходил. А поскольку спал он под землёй, как и умершие, назывался он "ульгень". Не случайно у южных германцев, которые до XVI века говорили на тюркском языке, священным деревом является ель, в отличие от соседних славян, почитавших таковыми дуб. Любимая русскими берёза - священное дерево финнов, что свидетельствует о финно-угорском происхождении значительной части русского населения.

Связанные с праздником весны, Пасхой, обычаи также в своей основе тюркские. Первые христиане, следуя библейским заветам, ели мацу - пресный тонкий хлеб. Это до сих пор делают и евреи. Тенгриане же, как и современные православные христиане на Руси, пекли куличи. Кулич олицетворял собой мужское начало. Ему придавалась соответствующая форма. Кулич должен был обязательно затвердеть и "подняться", то есть увеличиться в размерах. Верхушку готового кулича смазывали кремом белого цвета из яичного белка, на его головку высыпали зёрна подкрашенного проса, а рядом клали два крашеных яйца. Из белого сыра (творога) делали прообраз покрытой вечными снегами священной горы Кайласа, имеющей как и это пасхальное блюдо, называемое пасхой, форму близкую к тетраэдру, правильной пирамиде.

Таким образом, многое в современном христианстве пришло действительно с Востока и принесено это был солнцепоклонниками-тенгрианцами, народами северной кипчакской ветви тюркских народов. Оплодотворившая и существенно изменившая первоначальную христианскую веру, их вера, как таковая, исчезла, но она продолжает жить в современном христианстве в качестве элементов солнцепоклонничества. И это не только тонзура у католического духовенства. Православные и большинство прочих христиан от этого солярного символа отказались. Но основные и самые существенные солярные символы у большинства (и большинства подавляющего) христиан остались. Это и празднование Рождества Христова 25 декабря, празднование первого, а не седьмого дня недели, празднование дня, который древние посвящали Солнцу, а также поклонение солярному знаку - Кресту, который как и любой знак, ставший символом, приобрёл и новое качество, качество не только солярного знака, не только знака орудия казни Сына Божия, но и символа самой многочисленной по числу

приверженцев мировой религии - христианства.

При этом крест остаётся и символом Бога Солнца древних египтян Ра, и символом Бога Солнца древних тюрков Тенгри-хана, и вообще солярным символом (сравните ранее упоминаемые египетскую солнечную ладью и наскальные изображения в Богуслене (Швеция), Кобыстане и Смолянке под Усть-Каменогорском [17, с. 208]. Пиктографическое изображение солнца у древних египтян везде заменяется на знак креста.

Но тем не менее крест как символ христианства имеет в своей невидимой структуре только христианство, даже если солнцепоклонничество в нём (христианстве) явно присутствует, но в снятом виде.

Источники и литература

1. Вестник Истинно-Православной Церкви. – 1999. – № 1(15). – С. 61.
2. Успенский Б.А. Солярно-лунарная символика в облике русского храма // Тысячелетие крещения Руси. Международная церковная научная конференция “Богословие и духовность” (Москва, 11-18 мая 1987 г.). – М.: Издательство Московской Патриархии, 1989. – С. 306-310.
3. Католицизм. Словарь атеиста / Под общ. ред. Л. Н. Великовича. – М.: Политиздат, 1991. – 320 с.
4. Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковно-служителей. – М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1993. – Ч. 2 (Репринтное издание 1913 г.). – 1774 с. Зятьков Николай. Город Богов // Аргументы и факты. – 2000. – № 19 (1020). – Май. – С. 10.
5. Гергей Е. История папства (пер. с венгерского). – М.: Республика, 1996. – 463 с.
6. Крывелев И. А. Библия: историко-критический анализ. – М.: Политиздат, 1982. – 255 с.
7. Robertson Archibald. The origins of Christianity. - New York: International Publishers, 1967. – 224 p.
8. Аджи Мурад. Полынь половецкого поля. – М.: ТОО “ПИК-Контекст”, 1994. – 352 с.
9. Мельников Ф.Е. Краткая история древлеправославной / старообрядческой церкви. – Издательство Барнаульского государственного педагогического университета, 1999. – 557 с.
10. Пуздровский А. Древнейшие в Крыму изображения христианской символики // Таврида православная. – 1997. – № 2. – Февраль. – С. 2.
11. Михайлов Б. Д. Подземный “эрмитаж” Приазовья. – Запорожье: Дикое Поле, 1998. – 96 с.
12. Михайлов Б. Д. Петроглифы Каменной Могилы (семантика, хронология, интерпретация). Издание второе, дополненное. – Запорожье: Дикое Поле, 1999. – 240 с.
13. Алексеев В. Секта “РУН-Вера” // Вестник Истинно-Православной Церкви. – 1999. – № 1(15). – С. 54-55.
14. Шамаро А.А. Русской церковное зодчество: символика и истоки. – М.: Знание, 1988. – 64 с.
15. Ключевский В.О. Сочинения в 9-ти т. - Т. 3. Курс русской истории. – Ч. 3. – М.: Мысль, 1988.
16. Карабинович Г.М. Закон Божий для старообрядческих школ. - М.:Голос, 1990. - 272 с.
17. Першиц А.И., Монгайт А.Л., Алексеев В.П. История первобытного общества: учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Высшая школа, 1982. – 223 с.
18. Зятьков Н. Город Богов // Аргументы и факты. – 2000. – № 19 (1020). – май. – С. 11.

Мержвинський В.В.

ДО ПИТАННЯ ПРО ХУДОЖНІСТЬ БІБЛІЙНИХ ВЛАСНИХ НАЗВ У ДРАМАТУРГІЇ ЛЕСІ УКРАЇНКИ (на матеріалі п'єс “Вавілонський полон” та “На руїнах”)

Своєрідний диптих, – за словами Ліни Костенко, – становлять “Вавілонський полон” і “На руїнах”. Тут Леся Українка вийшла ще на одне пекельне коло проблем: неволя” [7, с. 40]. Об’єднані тематично, ці поеми немов доповнюють одна одну, проблема неволі, відкрившись у “Вавілонському полоні”, знаходить своє продовження в наступному творі. Своєю основою обидві драми вкорінюються в Старий Заповіт, в трагічний період для ізраїльсько-іудейської держави – часи поневолення Вавилоном.

Концентрацію авторської уваги на, сказати б, неукраїнській історії М.Євшан пояснює так: “Її віддалення від нашого широкого громадянського життя – се не втеча перед ним ані відчуження. Її, переважно античні і чужі теми, особливо в останні роки, не відчужували від України; вглиблюючись в душу старинного Грека чи Гебрея, вона думала про Україну, серцем була при нас, писала навіть про наш час і наші обставини. А що вибирала такий власне екзотичний одяг для своїх творчих задумів – то не тому, щоби віддалюватися від нас, а тому, що так їй було краще, мала більше внутрішньої свободи” [5, с. 51]. Справді, за “чужими темами” досить виразно проступає українська дійсність, на що неодноразово вказували дослідники. З приводу цієї характерної риси поезиї авторки С.Козак справедливо зазначає: “Уява Лесі Українки живе реліктами магічного мислення, що пов’язує речі на основі метонімічної суміжності: образів зі стародавньої, середньовічної і новітньої історії та суспільно-культурної ситуації” [6, с. 142]. Цю метонімічну суміжність в драмах Лесі Українки можна зобразити так: (метонімія місця + метонімія часу) × алегорія.

Не раз, але здебільшого принагідно, дослідники торкалися питання ролі й місця власних назв у художній структурі п'єс Лесі Українки. У лесезнавчих студіях А.Гозенпуда, О.Бабишкіна, Л.Масенко, Т.Гундорової та ін. про важливість імен в поетичному контексті драматичних творів письменниці згадувалося неодноразово. Однак ґрунтовного осягнення драматичних поетонімів письменниці, спеціальних досліджень, присвячених даному аспектові творчості Лесі Українки, все ще бракує.

Актуальність розвідки зумовлена відсутністю в лесезнавстві спеціальних робіт, присвячених вивченню поезиї власних назв у творчості Лесі Українки. З огляду на це, формулюється мета роботи: з’ясування особливостей функціонування власних назв у поетичній структурі драматичних творів Лесі